

Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков

*Н.В. Калашикова – старший преподаватель кафедры философии
и истории Вологодского института права и экономики,
кандидат исторических наук*

Понятие ссылки в России существовало с момента возникновения государственности. Первоначально оно вытекало из понятия «высылка», то есть удаление неугодного в политическом отношении человека с глаз князя. Значительных масштабов ссылка в монастыри достигла в период правления Ивана IV. В XVI в. в вологодских монастырях побывали десятки знатных бояр, зачастую вместе «с чады и домочадцы»¹.

Завоевание Сибири и потребность освоения новых территорий со временем способствуют перемещению мест ссылки из европейского Севера на Восток.

Впервые в качестве наказания ссылка законодательно была закреплена в период правления Алексея Михайловича Романова в Соборном Уложении 1649 года. Тем не менее еще в начале XVII века одним из самых ранних невольников Сибири стали угличане и угличский колокол. Однако ссылка, как таковая, в этот период времени не представляла собой наказа-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1834. Т. IX. С. 284.

ния, а была лишь его последствием. Это доказывается тем, что по Соборному Уложению ссылаемым выдавалось удостоверение за дьячьею подписью в том, что он «урочные годы отсидел и из тюрьмы выпущен»¹.

Лишь в XIX в. Европейский Север вновь обретает статус места ссылки – «подстоличной Сибири». Местом ссылки становится и вологодская земля. Не случайно наш знаменитый земляк Варлам Тихонович Шаламов говорил: «Есть три Вологды: историческая, краевая и ссылная»².

На завершающем этапе складывания абсолютизма в России делается попытка регламентации ссылных по профессиям, а затем по месту поселения. С формированием оппозиционного самодержавию движения – кружков, обществ, союзов – традиция ссылки меняется. Термин «политическая ссылка» появляется лишь в конце XIX в., одновременно с появлением понятий «политический заключенный», «политический каторжанин» и пр. В этот же период времени ссылка официально подразделяется на административную и политическую³. Одиночные борцы за справедливость, отбывавшие ссылку в Вологодском крае: член Святейшего Синода ростовский митрополит Арсений Мацеевич, монах Авель, предсказывающий смерть императоров, «шляхетский революционер» Иосиф Еленский – уходят в прошлое. Их сменили декабристы С. Кашкин, А. Горожанский, И. Жуков, основатели революционного студенческого кружка братья В. и М. Критские. С высылкой на Север более 600 участников польского восстания (1830–1831) политическая ссылка на Европейском Севере стала традиционной⁴.

Как и любая ссылка, политическая имела тройное назначение: в тюрьму, в города и в службу. В тюрьму по распоряжениям из столицы назначались важнейшие политические преступники. Там они содержались по соображениям безопасности или через определенный срок пересылались в более отдаленные местности.

В города назначались, главным образом, сославшиеся по политическим мотивам из соображений безопасности в столицах. Ссылка на службу предполагала, главным образом, первоначальную ссылку для приобщения ссылного к труду.

Основным законодателем ссылки считают М.М. Сперанского⁵. При его участии был создан устав о ссылных (1822 г.) и устав об этапах, содержащие около тысячи статей, согласно которым пересылка ссылных была возложена на губернское правление. О каждом ссылном составлялся статейный список в двух экземплярах, из которых один посылался на ме-

¹ Соб. улож. Гл. X. Ст. 128, 198.

² Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. М., 1994. С. 9.

³ Малый энциклопедический словарь. Изд-во Брокгауза и Ефрона. СПб., 1909. Т. 2. С. 1571–1572.

⁴ Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце 19 – начале 20 веков. Вологда, 1989.

⁵ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 259.

сто ссылки, другой следовал со ссылаемым. В Вологодскую губернию большинство ссыльных добирались пешим порядком под охраной особо организованных этапных команд. Продовольствием и одеждой они снабжались по пути местными губернскими оранами. По прибытии в губернский город они содержались в пересыльной тюрьме до момента распределения к месту отбытия ссылки. Руководство этим осуществлялось губернским присутственным местом или губернским правлением – экспедицией о ссыльных. Экспедиции управляли поселенцами с помощью полиции, уездной и волостной, иногда через особых должностных лиц – смотрителей поселений и ревизоров поселений.

В 1832 г. гр. Блудовым впервые была высказана мысль о возможности высылки на житье в северо-восточные уезды Вологодской и Вятской губерний. Здесь предполагалось отдавать поселенцев, не склонных к уголовным преступлениям, старожилам в виде работников на 4 и 6 лет. Согласно уголовному кодексу, предложенному гр. Блудовым, в законодательство была добавлена ссылка на житье, о которой как самостоятельном наказании были лишь слабые намеки в прежнем законодательстве и которая получает совершенно новое значение. Новым законодательством четко разграничивается уголовное и исправительное наказания. К первому относилась временная ссылка (от 5 до 20 лет) с лишением особых прав, а ко второму – временная ссылка от 1 до 5 лет в несибирские губернии, куда попадала и Вологодская. Для непривилегированных лиц ссылка в Сибирь приравнивалась к работе в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от 1 года до 10 лет с наказанием розгами от 50 до 100 ударов, а ссылке в губернии Европейского Севера и Астраханскую – заключение в рабочем доме от 6 месяцев до трех лет.

К середине XIX в. сибирская каторга и ссылка постепенно утрачивают свое значение и приходят в упадок. Это было вызвано истощением рудников и закрытием казенных заводов и фабрик. Основанные на принудительном труде, они были малоэффективны. Кроме того, сибирская ссылка дорого обходилась государственной казне – до 6 тыс. рублей ежегодно (6, там же) и не позволяла обеспечить должный надзор за ссыльными. Поэтому особое значение приобретает по действующему законодательству судебная ссылка на житье в губернии Европейского Севера России лиц привилегированных сословий. Она составляет низший вид ссылки исправительного наказания и вводится по предложению гр. Блудова.

Сложившаяся к концу XIX в. форма ссылки как наказания была разнообразна по содержанию. Общественное мнение России признавало ее как важную меру внутренней и даже внешней политики. Отмечалась ее позитивная роль, обеспечивающая отрыв наказанного от родного общества, а в случае политической ссылки – от политических организаций, источников информации и пр. Высылка опасных в политическом отношении граждан

обеспечивала безопасность крупных городов и столиц, избавляя их от возможных преступлений. Важным доводом сторонников ссылки был тот факт, что к концу XIX в., по примеру западноевропейских государств, в России прослеживается некоторая гуманизация пенитенциарной системы, выразившаяся в сокращении применения смертной казни и пожизненного заключения. Ссылка, обеспечивающая государству безопасность почти в той же степени, что и пожизненное заключение, допускала элементы гуманности.

К концу XIX столетия политическая ссылка в северных губерниях России была настолько многосторонняя и разнообразная, что одна могла обеспечить все формы наказания. Она включала различные меры: обязательный труд, тюремное заключение, лишение всевозможных прав. Построение ссылки отвечало всем задачам, на нее возлагаемым: карательной, исправительной, обеспечения безопасности и даже задаче колонизации отдаленных местностей. «Политических», пребывавших в Вологодскую губернию, как правило, распределяли по более отдаленным местностям и направляли в Тотьму, В. Устюг, Соль-Вычегодск и далее на Север.

С началом «разночинского» периода северная ссылка стала своеобразным критерием оппозиционных течений и направлений политической жизни России. Плеяду разночинцев-шестидесятников представляли организаторы и участники революционных студенческих кружков П.Г. Заичневский, будущие видные ученые П.С. Ефименко, В.В. Берви-Флеровский, П.П. Чубинский, художники Карамышев, Стронин, член «Земли и Воли» А.Х. Христофоров.

Северная ссылка отразила в своем составе и представителей большей части организаций движения семидесятников: от участника «хождения в народ» П.И. Войнаральского до членов исполкома «Народной воли» М.Ф. Грачевского и В.Н. Фигнер. Здесь отбывали ссылку П.Л. Лавров, впоследствии переведенный в г. Грязовец, откуда ему помог бежать в Швейцарию богатый вологодский купец Н.А. Кудрявый, и Н.В. Шелгунов, один из первых русских марксистов Федосеев, десятки «ишутинцев», «долгушинцев», «чайковцев».

По мнению современников, вологодская ссылка для политзаключенных была чрезмерно легкой, а в среде ссыльных – даже почетной. Она могла быть прервана в любой момент по заявлению ссыльного, а побег, благодаря близости к столицам, не были редким явлением. Однако статистика по направлению в Вологодскую губернию была значительной – до нескольких сотен человек в год. Эти цифры политических ссыльных создавали картину активной борьбы с врагами самодержавия, по сути являясь отпиской либеральных царских министров. Благодаря деятельности в крае политссыльных формируется своеобразная политическая культура. Не случайно В. Шаламов писал: «Споры ссыльных между собой – это... споры о

будущем России, о смысле жизни. Доклад о современных революционных движениях любой вологодский ссылный может сделать на уровне самых последних философских, религиозных, экономических течений»¹.

С приведенными выше выводами о целесообразности политической ссылки на Русский Север, ряд ученых, занимающихся тюрьмоведением (например, И.Я. Фойницкий), вполне согласны. Сравнивая российскую политическую ссылку с французской депортацией, они приходят к выводу, что ссылка в европейские губернии России политических заключенных не имела смысла, так как адаптироваться к новой жизни ссылные были не в состоянии, совершали побеги и преступления, и ни в коей мере не раскаивались и не отказывались от своих убеждений.

С этими выводами нельзя не согласиться, если учесть аналогичное мнение на этот счет знаменитого русского писателя В.А. Гиляровского, нашего земляка, досконально знавшего и прекрасно описавшего в «Моих скитаниях» политическую ссылку в Вологде. Он писал: «Вообще тогда отношение к политическим во всех слоях общества было самое дружественное... Покровительствовали им открыто, и на всех вечерах среди губернской знати обязательно присутствовали важнейшие из ссылных»².

Вместе с тем нельзя не учитывать и ряд факторов, серьезно осложняющих положение политических ссылных. Измученные пересылкой «по этапу», они должны были приспособливаться к непривычным климатическим условиям жизни. Многие не имели надлежащей одежды и обуви. В местах поселения невозможно было получить работу по специальности. Сфера приложения сил и знаний для них была резко ограничена. Ссылные, при пребывании на место ссылки, давали подписку о неучастии в политической работе и пропаганде. Им запрещалась педагогическая деятельность, в том числе даже обучение местного населения ремеслам, не разрешалось устраивать какие-либо заведения (мастерские, фотографии, закусовые и т.п.). Запрещалось участие в собраниях, сценических представлениях, служба приказчиками, конторщиками, библиотекарями, всевозможные публичные выступления и любые занятия, которые власти считали опасными для «общественного спокойствия». Медицинская практика дозволялась только с разрешения Министерства внутренних дел.

Тем не менее Мария Ильинична Ульянова, отбывающая Вологодскую ссылку в 1912–1914 гг., как известно, давала уроки музыки и принимала участие в местном, созданном политическими ссылными обществе «Просвещение». На ее адрес приходили посылки с литературой от В.И. Ленина из-за границы. Это еще раз свидетельствует о мягкости политической ссылки в Вологодском крае.

---

¹ Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. С. 21.

² Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1987. С. 34.

Как известно, ссыльные в Архангельской губернии находились в более жестких условиях и даже имеющие образование, соглашались на работу с минимальным заработком. Одни нанимались на малярные работы, другие брали заказы на изготовление мебели и всякой хозяйственной утвари, ремонт бытовых вещей – самоваров, ведер, часов, занимались починкой обуви и портняжничеством, выполняли различную кузнечную работу, третьи – с разрешения властей выезжали на промысел и сенокос, четвертые ходили на поденные работы к торговцам, пятые занимались перепиской бумаг у чиновников¹. Казенного содержания, служившего для многих ссыльных единственным источником средств существования, было недостаточно для удовлетворения самых насущных потребностей. Рядовому ссыльному при отсутствии постоянного заработка полагалось пособие, колебавшееся в зависимости от местности от 6 руб. 50 коп. до 8 руб. в месяц. (Из них 3 руб. 50 коп. – для найма квартиры, остальные – на текущие расходы). В законодательстве были учтены случаи, когда с политическими ссыльными прибывали жены и дети. В этой ситуации на них выдавалась «субсидия» – по 3–4 руб. на взрослых и 1–1,5 руб. в месяц на детей до 14 лет. «Привилегированным» ссыльным (имевшим дипломы об окончании высших и средних учебных заведений) выдавалось пособие в размере 13 рублей 25 коп. (3 руб. 50 коп. «квартирных» и по 32,5 коп. – на «суточные» расходы). Между тем прожиточный минимум взрослого человека, не имевшего подсобного хозяйства, составлял примерно 15 руб. в месяц².

В плане контроля за отбытием ссылки политические ссыльные подчинялись урядникам, становым приставам и полицейским надзирателям, которые обязывались постоянно следить за поведением ссыльных, пресекать всякую недозволенную деятельность и регулярно сообщать уездному или губернскому полицейскому руководству о ходе наблюдения. Чины местной полиции имели право в любое время осматривать квартиры ссыльных, производить в них обыски, отбирать запрещенную литературу и пр. Все письма, телеграммы и посылки, шедшие в адрес ссыльных или отправляемые ими, подлежали просмотру властей.

В начале XX в. политическая ссылка в крае приобрела еще более значительные масштабы: с 1903 г. поток ссылаемых заметно увеличился. В этот период на Европейский Север ссылали примерно половину всего числа ссыльных (из 2327 во всей империи – 1116). Среди них преобладали молодые рабочие и крестьяне (в возрасте от 20 до 28 лет). По своим политическим взглядам и сословной принадлежности ссыльные были далеко не однородны. Часть их вышла из привилегированных классов (дети дворян, духовных лиц, зажиточных мещан). Почти 60% ссыльных числились бес-

¹ 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск, 1925. С. 65.

² Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 508.

партийными, около 24% – социал-демократы, остальные – эсеры, «независимые революционеры» и представители других политических союзов и организаций. Причем численность представителей политических партий или кружков почти полностью отражала антигосударственную активность той или иной политической группы¹. В вологодской ссылке побывали М.И. Ульянова с матерью, В.В. Воровский, А.В. Луначарский, И.В. Сталин и десятки других политических деятелей.

Большинство политических ссыльных должны были по приговору пробыть в ссылке от трех до восьми лет. Но 11 августа 1904 г. по Манифесту, изданному по случаю рождения царского наследника, срок ссылки лицам «хорошего поведения» был сокращен на одну треть. В связи с этим многие поднадзорные на протяжении второй половины 1904 г. получили освобождение и покинули места ссылки. События революции 1905 г. привели к новой волне политических ссыльных на русском Севере. К концу 1907 г. в пределах Архангельской губернии их находилось около 1500 человек, а на 5 сентября 1908 г. – 2358.

С началом Первой мировой войны политическая высылка в Северные регионы России была прекращена, а после Февральской революции указом Временного правительства 26 апреля 1917 г. отменена.

---

¹ Ильинский М.В. Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории Архангельской политической ссылки. СПб., 1906. С. 13.